

Поэтический дар

«...Невзирая на тревожное настроение, свист ветра в снастях и сильную качку, дефицит сна в результате предшествовавшей бессонной ночи плюс выпитый для профилактики маленький стаканчик коньяка взяли свое: я крепко заснул и проснулся лишь поздно утром 23 августа, когда «Меотида», следуя далеким курсом, проходила уже Южным берегом...».

Откуда взяты эти строки? Пусть любитель «морских» романов не напрягает свою память: это не Смоллет, не Мелвилл, не Станюкович. Такими словами открывается одна из глав в книге биолога и путешественника, заслуженного деятеля науки УССР, профессора Ивана Ивановича Пузанова (1885—1971) «По нехоженому Крыму». Книгу эту выпустил в 1960 г. «Географгиз», а ранее в том же центральном издательстве вышли книги того же автора: «В Швейцарских Альпах. Между Нилом и Красным морем» и «Вокруг Азии», — а в «Крымиздате» — «Большой каньон Крыма».

Тяга к систематизации, научной точности наложила отпечаток и на книги профессора Пузанова о путешествиях: в них преобладает суховатая, исследовательская манера изложения. Но в отдельных местах, иногда — фразах — все же дает себя знать иная, вненаучная стихия, имевшая немалую власть над душой и разумом крупного биолога. Имя этой стихии — поэзия.

Иван Иванович не только любил и превосходно знал поэзию (русскую и европейскую), всю свою жизнь он писал стихи. Мы погрешили бы против истины, сказав, что он «разрывался» между наукой и поэзией. Нет, это критико-биографическое клише неприложимо к И. И. Пузанову. Наука в его жизни не знала равноправных конкурентов. Для поэзии был досуг, будь то отпуск или краткая передышка в работе.

Большая часть стихов была собрана И. И. Пузановым в рукописный сборник под названием «Талипот». «Краса цейлонских пальм» Талипот под пером биолога-поэта превращается в своеобразный символ красоты, гордости, короткой, но полноценной жизни. Зрительный образ Талипот с особой силой запечатлен в сонете, давшем название всему сборнику:

— Прожив полвека, пальма та цветет;
На пышный цвет все смотрят восхищенно:
Султан цветов, что дышат благовонно,
Ввысь устремлен, в лазурный небосвод.

Многие стихи сборника посвящены Крыму. Это и безу-

— Прожив полвека, пальма та цветет;
На пышный цвет все смотрят восхищенно:
Султан цветов, что дышат благовонно,
Ввысь устремлен, в лазурный небосвод.

Многие стихи сборника посвящены Крыму. Это и безупречный по поэтической технике венок сонетов «Крым», и «Послание Всеволоду Рождественскому», и стихотворение «Завещание», посвященное тем крымчанам, что в силу разных обстоятельств оказались вдали от милого им полуострова. Эпиграфом к «Завещанию» взял И. И. Пузанов любимые им строки Максимилиана Волошина, с которыми его связывали узы дружбы:

— Одолеют зависть или злоба, —
Я судьбы не изберу другой:
Умирать, так умирать с тобой,
Иль с тобой, как Лазарь, встать из гроба...

Создателю этих строк И. И. Пузанов посвятил несколько произведений. Среди них выделяется написанная в 1957 г. к 25-летию со дня смерти Волошина поэма «Четверть столетия». Автора «Демонов глухонемых» Пузанов считал одним из крупнейших русских поэтов XX века и с убежденностью пророчествовал:

— И будут вечно жить в его стихах
Россия-мать на всех ее путях,
Людских культур падения и взлеты,
И мирозданья сокровенный смысл,
И в небесах узоры звездных чисел,
И напряженный пафос Карадага,
И под скалой рокошущая влага...

Не будет преувеличением сказать, что эти строки, известные лишь небольшой группе людей, явились для них предвестием возрождения широкого читательского интереса к поэзии М. Волошина.

Еще одна область литературной деятельности И. И. Пузанова — поэтический перевод. То, что сделано ученым в этой области, не менее, а пожалуй, более примечательно, чем его оригинальные стихи. Переводил он разных поэтов с французского, немецкого и английского языков, не пользуясь подстрочником. В одномотнике «Избранных произведений» Байрона (М., ГИХЛ, 1953), наряду с переводами Лермонтова, Блока, Вяч. Иванова, Пастернака, Шенгели, был опубликован и выполненный Пузановым перевод «Стихов, написанных после пересечения вплавь Дарданелл между Сестосом и Абидосом». В тринадцатый том собрания сочинений Гюго (М., 1956) вошли два перевода И. Пузанова: «Нет, нет, нет!» и «Три сотни».

Случалось, что его научные и поэтические интересы как бы пересекались. В результате рождались стихи, навеянные раздумьями автора о судьбе и охране природы, о путях науки и т. п. В этой связи можно вспомнить венок сонетов «Вселенная», посвященный памяти ученого-астронома Е. Ф. Скворцова, или опубликованную в одном из тонких журналов «фенопоэму» — своеобразный венок двенадцатистиший, содержащих тонкие поэтические зарисовки картин природы.

Марк СОКОЛЯНСКИЙ.
Профессор Одесского университета.